

**Проявления принципа относительности обязательств в ГК РФ и судебной практике.
Комментарий к п. 3 ст. 308 ГК РФ (А.А. Громов, журнал "Законодательство", N 5, май 2023 г.)**

А.А. Громов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доцент департамента частного права факультета права НИУ ВШЭ,
доцент кафедры обязательственного права ИЦЧП

Журнал "Законодательство", N 5, май 2023 г., с. 7-16.
https://doi.org/10.58741/16818695_2023_5_7

1. Относительность обязательств как общее правило

Норма [пункта 3 ст. 308](#) Гражданского кодекса РФ может рассматриваться как подтверждение существования принципа относительности обязательств, однако это свидетельство не единственное. Так, согласно [п. 1 ст. 307](#) ГК РФ в силу обязательства кредитор вправе требовать от должника (т.е. от конкретного лица) исполнения его обязанности.

Проявлением принципа относительности является также [ст. 324](#) ГК РФ, согласно которой в случае солидарной обязанности должник не вправе выдвигать против требований кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредитором, в которых данный должник не участвует. В данном случае важно учитывать, что каждый из солидарных должников находится в самостоятельной обязательственной связи с кредитором (их обязательство не является единым)*[\(1\)](#).

Иллюстрацией общего принципа является и [п. 3 ст. 401](#) ГК РФ, в соответствии с которым нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника по общему правилу не образует непреодолимой силы.

В доктрине представлена позиция, согласно которой сама по себе структура ГК РФ с выделением вслед за общими положениями вещного и обязательственного разделов может служить аргументом в пользу принципа относительности.

Такое построение [кодекса](#) свидетельствует о том, что законодатель ключевым критерием избрал формально-юридический, разграничивающий субъективные права и правоотношения в зависимости от сообщаемого им абсолютного или относительного эффекта (что выступает одним из двух ключевых критериев разделения правоотношений на вещные и обязательственные, о чем пойдет речь далее)*[\(2\)](#). В обоснование этого аргумента отмечается, что категория "обязательственное право" сама по себе не столь необходима.

При построении кодекса в качестве определяющего можно рассматривать объект правоотношений (как, например, в [Земельном кодексе](#) РФ) или субъекта (как в [Законе](#) РФ "О защите прав потребителей"). Однако, отдавая предпочтение формально-юридическому критерию и деля правоотношения на вещные и обязательственные, законодатель акцентирует внимание на отличии отношений между лицами от отношений к вещам, дифференцирует особую связь между конкретными лицами и общее обязательство воздерживаться от причинения вреда имуществу другого лица.

Выделение категории обязательственного права также имеет ряд оснований)*[\(3\)](#). Во-первых, это приводит к обособлению правовых норм, применяемых именно к данной области. Во-вторых, практические проблемы, регулируемые обязательственным правом, взаимосвязаны и решаются единообразно. В то же время различие результатов, достигаемых при решении обязательственного и вещного вопросов, является не индикатором неудовлетворительной работы правовой системы, а, напротив, логичным следствием наличия двух областей. Например, продавец по договору купли-продажи может считаться исполнившим обязательство передать владение объектом надлежащим образом (обязательственный вопрос), но фактически передачи еще не произошло и покупатель не стал собственником вещи (вещный вопрос). В-третьих, систематизация определяет юридическое мышление и аргументацию. Тот, кто привычен к категориям обязательственного и вещного права, склонен придавать им самостоятельное значение и использовать данное деление в качестве

самостоятельного аргумента.

Внося в кодекс определенные абстрактные категории, законодатель неизбежно задает определенную систему координат, релевантных ценностей для участников оборота. При использовании категории обязательственного права встает вопрос о разграничении ее с другими областями права. Наиболее важный вопрос касается соотношения обязательственного и вещного права. В этом вопросе необходимо учитывать, что обязательственное требование имеет два существенных признака. Во-первых, оно служит инструментом для оборота имущественных благ и перехода имущества от одного лица другому (лицо к лицу и лицо к вещи; динамика и статика)*⁽⁴⁾. Во-вторых, основной институт обязательственного права - право требования - само может выступать предметом имущественного оборота: отчуждаться, закладываться и т.д., что, конечно, свидетельствует о наличии функциональных взаимосвязей между обязательственным и вещным правом*⁽⁵⁾.

С этим вопросом тесно соприкасается вопрос об относительности обязательственного отношения. Понятие имеет различные проявления*⁽⁶⁾. Так, относительность означает, что только должник (а не третье лицо) обязан осуществить предоставление. По общему правилу третье лицо может лишь оказать содействие должнику при исполнении обязательства, но ответственность перед кредитором будет нести должник. Под относительностью обязательства также понимают, что третье лицо в целом не может затронуть право требования кредитора, для третьего лица право требования как будто не существует.

Обязательственное отношение как особая связь должна быть отграничена от общих обязанностей лиц, которые существуют по отношению к обладателю вещного права. Из этого следует, что преимущества, вытекающие из договора, должны принадлежать только его стороне, а не третьему лицу или обществу (если только этого не желают все участники договора). Действует и обратное правило: если лицо не участвовало в заключении договора, у него не могут возникнуть обязательства из этого договора; он также не несет ответственности за действия должника, нарушившего договорное обязательство.

Относительность обязательственного отношения является одним из возможных критериев, отграничивающих обязательственное отношение от вещного, которое имеет абсолютный характер. Традиционно считается, что обязательственные права отграничиваются от вещных по двум критериям*⁽⁷⁾: во-первых, по объекту отношения (лицо или вещь), во-вторых, по эффекту, который создается субъективным правом - относительный эффект (против конкретного лица или лиц, т.е. против должника) и абсолютный эффект (против всех лиц).

Наличие двух критериев разграничения субъективных прав неизбежно приводит к тому, что вместо двух противопоставленных друг другу категорий (вещное абсолютное и личное относительное) возникают четыре*⁽⁸⁾. К ним добавляются обязательственные абсолютные (примеры встречаются в семейном праве, например, эффект заключения брака имеет и личный, и абсолютный характер) и вещные относительные (к их числу относятся незарегистрированные права, обременяющие некоторые абсолютные черты с момента их оглашения (регистрации)).

К числу вещных относительных прав можно отнести залог без регистрации (ст. 339.1 ГК РФ). Также к ним причисляют *ius ad rem*. Например, Р. Майклс указывает, что наличие трех предпосылок, вытекающих из регулирования в конкретном правовом порядке, наделяет покупателя во внутренних отношениях с продавцом не только правом на действия продавца, но и определенным правом на вещь. К числу этих признаков относятся допустимость перехода права собственности в силу соглашения, эффективная реализация права требовать исполнения обязательства в натуре и эффективное исполнительное производство, позволяющее покупателю добиться получения именно объекта, а не его денежного эквивалента*⁽⁹⁾.

По российскому праву принцип относительности наиболее полно представлен в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. N 54, согласно которому обязательство не создает прав и обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). Соответственно стороны обязательства не могут выдвигать в отношении третьих лиц возражения, основанные на обязательстве между собой, равно как и третьи лица не могут выдвигать возражения, вытекающие из обязательства, в котором они не участвуют.

Принцип относительности является гарантией свободы договора и автономии воли, поскольку никто не может быть вовлечен в обязательственные отношения, основанные на сделке, против своей воли.

Примеры, в которых судебная практика следует принципу относительности, довольно многочисленны. Этот принцип работает в качестве общего основополагающего правила в обязательственном праве. Так, в упомянутом [п. 2](#) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. N 54 указано, что при переходе прав кредитора к другому лицу по договору об уступке требования должник в качестве возражения против требований нового кредитора не вправе ссылаться на неисполнение цессионарием обязательства оплатить права требования cedentа.

Кроме того, в практике высшей инстанции неоднократно поддерживалась позиция, в соответствии с которой наличие заключенного договора купли-продажи не может привести к недействительности иного договора, направленного на отчуждение того же самого объекта (см. [абз. 6 п. 5](#) постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. N 54). Аналогичный подход был поддержан и применительно к аренде (см. [п. 13](#) постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. N 73; [определение](#) Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. N 305-ЭС18-12573).

Проявлением принципа относительности служит и [п. 3 ст. 706](#) ГК РФ, устанавливающий ответственность генерального подрядчика перед заказчиком за действия субподрядчика.

Принцип относительности также имеет большое значение в отношениях между грузоотправителем, экспедитором, перевозчиком и грузополучателем. Так, в силу [п. 28](#) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. N 26 лицом, отвечающим перед фактическим перевозчиком за оплату перевозки, является лицо, заключившее договор о перевозке. Если такой договор заключен экспедитором от своего имени, перевозчик не вправе требовать провозную плату с клиента экспедитора.

2. Воздействие на обязательство со стороны третьих лиц

В наиболее широком понимании третье лицо - это каждый, кто не является должником или кредитором, даже если он задействован в той или иной форме со стороны кого-либо из них.

В узком же смысле третье лицо - это только тот, чье поведение ни должнику, ни кредитору нельзя приписать в рамках обязательственного отношения^{*(10)}. В рамках этого узкого смысла существенное значение имеет категория исполнения обязательства третьим лицом. Такое исполнение необходимо отграничивать от исполнения, которое должник осуществляет при помощи третьего лица, чьи действия приписываются должнику. Чтобы говорить о том, в каких ситуациях третье лицо может оказать воздействие на чужое требование, третье лицо должно пониматься как не являющимся ни кредитором, ни должником, поскольку только они являются субъектами, находящимися друг с другом в правовой связи. Третье лицо по отношению к одному из них может быть обязано совершить действия, которые способствуют исполнению или являются непосредственным исполнением обязательства должника перед кредитором. Однако такое третье лицо не отвечает перед кредитором и не вправе требовать исполнения обязательства от должника.

В статье 313 ГК РФ определено, когда кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом. Более того, согласно [п. 4 ст. 313](#) ГК РФ третье лицо вправе исполнить обязательство должника, произведя зачет, что является исключением не только из принципа относительности обязательств, но и из правила о встречности зачитываемых требований. В силу [п. 6 ст. 313](#) ГК РФ, если третье лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника. Это правило является исключением из принципа относительности. В то же время область его применения несколько сужается благодаря [п. 22](#) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. N 54, согласно которому в случае, когда исполнение было возложено должником на третье лицо, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства этим лицом перед кредитором по общему правилу отвечает должник.

Нельзя согласиться с тем, что право требования, задуманное как продукт межличностного отношения между кредитором и должником, не может претерпевать воздействие со стороны третьих лиц (т.е. подвергаться уничтожению, переходу, прекращению или содержательному изменению). Утверждающие, что обязательство осуществить предоставление всегда относительно, не принимают во внимание тот факт, что вопрос воздействия третьего лица следует понимать в первую очередь как фактическую возможность,

а не как юридическое противоправное действие.

Также заявляющие о наличии правовой связи, незримой для третьих лиц, не учитывают, что третье лицо может исполнить необходимый фактический состав гипотезы нормы, приводящий к прекращению или изменению этой правовой связи. Более того, действия, составляющие предмет обязательства, нередко совершаются в отношении материальных объектов, которые должник должен передать кредитору и на которые третьи лица вполне могут оказывать непосредственное воздействие.

Ситуации, когда третье лицо оказывает воздействие на обязательство. Во-первых, третье лицо может лишить кредитора права требования, если оно как неуправомоченный субъект совершает распоряжение в отношении этого права требования, которое имеет правовой эффект, например, ввиду видимости наличия у него распорядительной власти. В российском праве институт добросовестного приобретателя имущественных прав, аналогичный институту добросовестного приобретателя права собственности или залоговых прав, не закреплен в ГК РФ в качестве общего правила. В то же время для некоторых имущественных прав такая защита предусмотрена. Например, в [ст. 149.3](#) ГК РФ установлены ограничения для истребования бездокументарных ценных бумаг правообладателем.

Во-вторых, третье лицо также лишает кредитора права требования (которое считается прекращенным надлежащим исполнением), если прием предоставления неуправомоченным лицом прекращает обязательство. Например, в силу [п. 3 ст. 382](#) ГК РФ исполнение, совершенное должником первоначальному кредитору до момента получения уведомления об уступке, считается предоставленным надлежащему лицу. В этом случае новый кредитор вправе требовать от первоначального кредитора передачи всего полученного от должника в счет уступленного требования и возмещения убытков в соответствии с условиями заключенного между ними договора ([п. 22](#) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. N 54).

Отношения кредитора с третьим лицом также могут послужить основанием для возникновения у должника возражений против удовлетворения требования кредитора. Так, согласно [п. 2 ст. 364](#) ГК РФ поручитель вправе не исполнять свое обязательство, пока кредитор имеет возможность получить удовлетворение своего требования путем его зачета против требования должника.

В-третьих, третье лицо может лишить кредитора права требования и в том случае, когда посредством воздействия на предмет исполнения оно создает невозможность исполнения, за которую должник не отвечает ([п. 1 ст. 416](#) ГК РФ).

В-четвертых, содержательное изменение права требования происходит, если в результате действий третьего лица вещь погибает и право кредитора требовать исполнения в натуре трансформируется в право требовать взыскания с должника убытков вместо предоставления. Если речь идет о родовом обязательстве, должник по-прежнему должен будет поставить товар в натуре, но действия третьего лица могут способствовать увеличению периода просрочки, вследствие которой кредитор вправе взыскать соответствующие убытки.

Возможности третьих лиц повлиять на обязательственные требования обусловлены тем, что требования сами по себе не являются самостоятельной целью, они в первую очередь служат обращению товаров, работ и услуг в обороте. Кто рассматривает кредитора и должника в отрыве от внешнего мира, не учитывает, что и правопорядок в ряде случаев анализирует конкретные обстоятельства, способствующие возникновению обязательства, и при их наличии обязательство может быть прекращено*⁽¹¹⁾ (например, в случае внеконкурсного оспаривания и отчуждения имущества одного из участников обязательственной связи в ущерб интересам кредиторов).

Наконец, исключением из принципа относительности являются также некоторые ситуации, когда возможность заключения договора требует согласия третьего лица, а его отсутствие влечет недействительность обязывающей сделки. В таком случае факт совершения сделки порождает на стороне третьего лица, не участвующего в ней, секундарное право на оспаривание сделки, что невозможно при строгом соблюдении принципа относительности. Например, возможность арендодателя оспорить договор субаренды, который им не был одобрен, выступает исключением из принципа относительности обязательств, поскольку обязательственное отношение оказывается прекращенным не по воле его участников, а по воле третьего лица. В то же время ничтожность перевода долга без согласия кредитора, напротив, гарантирует соблюдение принципа относительности, запрещая участникам обязательственного отношения вносить изменения в обязательства третьих лиц. В данном случае не порождает последствий только распорядительная сделка, но сам по себе

обязательственный договор между старым должником и несостоявшимся новым не является ничтожным, поскольку не затрагивает интересы кредитора (он просто не будет исполнен).

По общему правилу кредитор защищен от воздействия других кредиторов на его право требования. Более того, должник отвечает перед любым кредитором всем своим имуществом, а не только той вещью, которая определенным образом охватывается предметом обязательства. Однако в ряде случаев закон (как правило, в ситуации дефицита имущества у должника) устанавливает специальные правила исполнения разных обязательственных прав требований.

Например, в рамках исполнительного производства может быть наложен арест на дебиторскую задолженность должника, т.е. на его права требования по отношению к третьим лицам ([п. 1 ч. 1 ст. 75](#) Федерального закона "Об исполнительном производстве").

Кроме того, в рамках банкротства должника требования кредиторов оказываются в реестре, в котором существует определенная очередность. Более того, кредиторы должника вправе возражать при рассмотрении судом требований других кредиторов с момента принятия их собственных требований к производству ([п. 30](#) постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. N 35).

Ситуация конкуренции требований также имеет место при продаже одного и того же объекта разным лицам. Права обоих покупателей являются, во-первых, личными (объектом права выступает поведение должника, а не отчуждаемая вещь), во-вторых, относительными (т.е. направлены исключительно против продавца, а не против второго покупателя).

В таком случае речь идет о двух вопросах. Во-первых, надо принять решение в рамках конфликта интересов двух покупателей одной и той же вещи: отдать ли предпочтение факту более раннего заключения договора купли-продажи или приобретению владения и собственности? Во-вторых, возникает догматический вопрос: как согласовать решение с существующей в правовом порядке системой субъективных прав, в особенности с принципом относительности обязательственного права требования?

В силу [ст. 398](#) ГК РФ до передачи вещи одному из кредиторов преимущество (при отсутствии иных дополнительных условий) имеет тот, в пользу которого обязательство возникло раньше. Такое решение является исключением из принципа относительности, поскольку два договора противопоставляются друг другу, хотя в рамках принципа относительности каждый из них не может оказывать воздействия на иные обязательственные отношения.

Если вещь уже передана одному из покупателей, второй может довольствоваться лишь иском о взыскании убытков. Тем не менее иногда правовая система допускает защиту кредитором своего умаленного обязательственного права требования. Возможно, это происходит не потому, что нарушено обязательственное право, а по иной причине, например, ввиду наличия противоправного умысла обеих сторон и возникновения в результате их действий убытков. Однако по факту защищенным оказывается именно обязательственное право требования. Такая защита возможна лишь в исключительных ситуациях при необходимости доказывания вопиющего злоупотребления, повлекшего противоправное нанесение ущерба праву требования потерпевшего. При этом ситуации, попадающие в эту группу, могут с течением времени как обретать качество правомерности, так и, наоборот, включать все новые жизненные случаи*(12).

Нередко воздействие на чужое право требования происходит посредством заключения и исполнения другой сделки, конкурирующей с более ранним договором. В подобной ситуации возможным средством защиты выступает недействительность такой сделки, совершенной с противоправной целью. Установление этой противоправной цели может быть невозможно, если ограничиться оценкой исключительно самой сделки, в связи с чем требуется анализ обстоятельств, сопутствующих ее совершению. Как представляется, само по себе намерение третьего лица получить тот же объект, который уже обещан другому, не может служить достаточным основанием для оспаривания сделки, если при этом указанное третье лицо может доказать наличие у него собственных экономических интересов в получении данного имущества. Подтверждением этого является [ст. 398](#) ГК РФ, предусматривающая иные последствия для подобной ситуации. Наличие конкуренции способствует развитию экономики, и в конечном счете объект оказывается у лица, которое считает его приобретение эффективным для себя и, например, предлагает наивысшую цену.

Верховный Суд РФ подтвердил, что ведение переговоров одновременно с несколькими лицами по общему правилу не образует противоправного действия ([определение](#) Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. N

305-ЭС19-19395). Как представляется, факт заключения договора не может создать обязательств для третьих лиц, также желающих приобрести этот объект и предлагающих более высокую цену.

Однако возможны ситуации, когда второй покупатель использует недобросовестные способы, склоняя продавца к нарушению первоначального договора. Для признания подобного поведения противоправным наличие совместного умысла необходимо уже в момент заключения второго договора купли-продажи. Третье лицо предвидит и учитывает последующее нарушение прав кредитора посредством исполнения своего собственного договора. При этом поведение такого третьего лица само по себе объективно должно иметь небезупречный характер. Возможно, третье лицо, убеждая должника, обязуется возместить ему все убытки и штрафные санкции, которые с него взыщет кредитор по первоначальному обязательству. Или третье лицо использует незаконные средства в рамках переговоров с должником, в частности, осуществляет коммерческий подкуп.

При фиксации подобных нарушений цель законодателя и суда состоит в восстановлении положения, которое существовало бы, если бы отсутствовали действия третьего лица. В российском правовом порядке, как правило, этот результат достигается посредством признания сделки между третьим лицом и должником недействительной ([определение](#) Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. N 50-КГ17-27). В такой ситуации должник в порядке реституции получает обратно объект, который он должен передать кредитору, чьи права были противоправно нарушены. Вероятно, можно было бы помыслить и деликтный иск от кредитора к третьему лицу об обязанности передать полученный объект в натуре - с учетом того, что [ст. 1082](#) ГК РФ в качестве способов защиты указывает как денежное, так и неденежное требования.

3. Исключение из принципа относительности. придание обязательственным правам абсолютного эффекта

Абсолютные и относительные права нередко противопоставляются посредством своих прототипов: права собственности и права требования. В то же время правовому порядку не мешает наделять относительное право определенными абсолютными свойствами, посредством которых оно может быть противопоставлено любому третьему лицу. При этом абсолютный эффект в подобных случаях присущ относительным правам только частично. В противном случае это было бы уже не относительное, а абсолютное право*[\(13\)](#).

Наделение обязательственного требования абсолютным эффектом, как правило, призвано гарантировать кредитору предмет обязательства и исключить воздействие третьих лиц на него. Несущественно при этом, какими именно средствами обеспечивается защита (например, перевод прав и обязанностей по договору или недействительность)*[\(14\)](#). Также не имеет значения, когда возникает защита: с момента созревания права требования, с момента передачи вещи или по итогам прекращения длящегося отношения.

Если поддерживать подход, согласно которому договор аренды - это сделка, порождающая обязательственные отношения, то в рамках той совокупности прав, которые это обязательство предоставляет арендатору, следует признать наличие некоторых требований, обладающих абсолютным эффектом против третьих лиц.

Иллюстрацией может служить случай наложения ареста или запрета распоряжаться в отношении вещи, которую должник обязался передать кредитору (например, по договору купли-продажи или аренды). Последующие распоряжения объектом вопреки судебному запрету в силу [п. 2 ст. 174.1](#) ГК РФ не окажут влияния на такого кредитора, которому предоставляется право залога на вещь, обремененную судебным запретом ([п. 5 ст. 334](#) ГК РФ). В результате из обязательственного отношения, в рамках которого у покупателя было право на действия продавца по передаче вещи в собственность, возникает право, которое покупатель может противопоставить иным кредиторам этого должника.

От наделяния абсолютным эффектом прав требований следует отличать возникновение абсолютного эффекта у обязательственного отношения, следствием которого является воздействие обязательства в широком смысле на третьих лиц. Например, новый собственник объекта приобретает все права и обязанности по ранее заключенному и еще не прекращенному договору аренды ([ст. 617](#) ГК РФ). Аналогичная ситуация складывается и при договоре ссуды ([ст. 700](#) ГК РФ).

Подобное воздействие как обязательственного требования, так и обязательственного

отношения на третьих лиц возможно только в случаях, установленных нормативно (как правило, посредством нормы закона, но в ряде ситуаций это может быть и продукт развития судебной практики, примером чего является [ст. 617](#) ГК РФ с учетом того смысла, который вложили в нее [п. 23](#) и [24](#) Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой^{*(15)}). Список подобных ситуаций должен быть закрытым, чтобы участники оборота имели ясное представление о том, в каких случаях обязательственное отношение третьих лиц может оказать на них воздействие, и какое именно. Договором стороны не вправе создавать права и обязанности, имеющие абсолютный эффект.

При этом третьи лица должны быть осведомлены о наличии у кредитора соответствующего обязательственного права, имеющего абсолютный эффект. В частности, это приводит к тому, что требования арендатора из договора аренды, подлежащего регистрации, распространяются на третьих лиц по общему правилу только после регистрации договора аренды^{*(16)} ([п. 14](#) постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. N 73).

4. Исключения из принципа относительности. Иски третьих лиц в связи с нарушением должником договорных обязательств

В ряде случаев между двусторонним (многосторонним) договором и обособленными договорами выделяют так называемую договорную цепочку, в рамках которой устанавливается определенная взаимосвязь, не согласующаяся с принципом относительности.

Выделяют две группы подобных взаимосвязанных сделок.

Первая из них включает в себя различные договоры, обусловленные общей целью. Например, договор купли-продажи и договор кредита, денежные средства по которому перечисляются в пользу продавца. Иллюстрацией этого случая выступает § 358 ГГУ, согласно которому договоры поставки и кредита признаются взаимосвязанными при наличии трех условий:

- кредитный договор заключается в дополнение к договору купли-продажи;
- полученные в кредит деньги хотя бы частично используются на оплату приобретаемого объекта;
- между указанными договорами существует экономическое единство, например, кредитная организация пользуется услугами продавца при подготовке или заключении договоров займа.

При признании договоров взаимосвязанными предусмотрен ряд правовых последствий, в частности:

- если покупатель на законных основаниях отозвал свою оферту на заключение одного из договоров, он перестает быть связанным и другим договором;
- если покупатель имеет средства защиты против продавца, он может применить их и против кредитной организации. В качестве подобных средств защиты указывают на право расторгнуть договор и удержать исполнение.

Вторая группа взаимосвязанных сделок характеризуется общностью объекта. Эти случаи договорной цепочки подробно разработаны французской доктриной в рамках отношений купли-продажи, подряда и аренды^{*(17)}. В подобных ситуациях кредитору в рамках одного договора в ряде случаев разрешается предъявить прямой иск к должнику из другого договора.

Примеры взаимосвязанных договоров встречаются и в российском праве. Так, согласно [ст. 618](#) ГК РФ при досрочном прекращении договора аренды автоматически досрочно прекращается договор субаренды. При этом у субарендатора возникает право на заключение договора с арендодателем напрямую на условиях договора аренды на срок оставшейся субаренды в отношении объекта, составлявшего предмет договора субаренды. Как отметил Верховный Суд РФ, это право субарендатора к арендодателю не имеет абсолютного эффекта и является относительным, вследствие чего субарендатор не вправе требовать признания недействительным договора, по которому арендодатель уже передал вещь третьему лицу ([определение](#) Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. N 305-ЭС18-13454).

Второй пример - договор поставки и договор лизинга, в рамках которых лизингополучатель вправе предъявлять непосредственно продавцу имущества, являющегося одновременно предметом договора лизинга, требования, вытекающие из договора купли-продажи между лизингодателем и продавцом, в частности в отношении качества и

комплектности имущества, сроков его поставки (п. 1 ст. 670 ГК РФ).

Таким же образом можно обосновать право потребителя (конечного участника цепочки сделок) предъявить иск при обнаружении недостатков в товаре как к продавцу, так и к изготовителю (первоначальному звену в договорной цепочке) (п. 2, 3 ст. 18 Закона РФ "О защите прав потребителей").

Все указанные случаи являются исключениями из принципа относительности обязательств.

Список источников

1. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. N 2.
2. Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // [Журнал российского права](#). 2006. N 12.
3. Тололаева Н.В. Модель пассивных солидарных обязательств // Вестник гражданского права. 2016. N 2.
4. Третьяков С.В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. 2007. N 3.
5. Церковников М.А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС РФ. 2012. N 3.
6. Чупрунов А.С. Гражданско-правовая ответственность за вмешательство третьего лица в договорные отношения // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников РШЧП / Под ред. А.В. Егорова. М., 2019.
7. Чупрунов И.С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. N 6.
8. Bauerreis J. Das französische Rechtsinstitut der actio directe und seine Bedeutung in internationalen Vertragsketten. Berlin, 2001.
9. Gernhuber J. Das Schuldverhältnis: Begründung und Änderung, Pflichten und Strukturen, Drittwirkungen. Tübingen, 1989.
10. Lorenz St., Medicus D. Schuldrecht I: Allgemeiner Teil. Ein Studienbuch. München, 2012.
11. Michaels R. Vor § 241 // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB / M. Schmoeckel, J. Ruckert, R. Zimmermann (Hhs.). Bd. II. Schuldrecht: Allgemeiner Teil. Tübingen, 2013.
12. Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des Rechts. München, 2012.

---

*(1) Тололаева Н.В. Модель пассивных солидарных обязательств // Вестник гражданского права. 2016. N 2. С. 7-36.

*(2) Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. N 2. С. 144-204.

*(3) Michaels R. Vor § 241 // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB / M. Schmoeckel, J. Ruckert, R. Zimmermann (Hhs.). Bd. II. Schuldrecht: Allgemeiner Teil. Tübingen, 2013. Teil-bd. 1. § 241-432. S. 3-8.

*(4) Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // [Журнал российского права](#). 2006. N 12. С. 42-50.

*(5) Третьяков С.В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. 2007. N 3. С. 242-260.

*(6) Lorenz St., Medicus D. Schuldrecht I: Allgemeiner Teil. Ein Studienbuch. München, 2012. S. 13, 14.

*(7) Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des Rechts. München, 2012. S. 226.

*(8) Michaels R. Vor § 241. S. 6-7.

*(9) Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag. Berlin, 2002. S. 214, 243, 244.

*(10) Подробнее см.: Gernhuber J. Das Schuldverhältnis: Begründung und Änderung, Pflichten und Strukturen, Drittwirkungen. Tübingen, 1989. S. 35-55.

*(11) Ibid. S. 35-55.

*(12) Подробнее о доктрине вторжения в договорные отношения см.: Чупрунов А.С. Гражданско-правовая ответственность за вмешательство третьего лица в договорные отношения // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников РШЧП / Под ред. А.В. Егорова. М., 2019. Т. 3. С. 678-723; Он же. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. N 6. С. 78-88.

*(13) Gernhuber J. Op. cit. S.35-55.

*(14) Чупрунов И.С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций). С. 78-88.

*(15) [Информационное письмо](#) Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. N 66.

*(16) Церковников М.А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС РФ. 2012. N 3. С. 61-83.

*(17) Подробнее см.: Bauerreis J. Das französische Rechtsinstitut der actio directe und seine Bedeutung in internationalen Vertragsketten. Berlin, 2001.